

Н.К. КАПИТОНОВА

ЛИДЕР БРИТАНСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ ДЭВИД КЭМЕРОН: ПУТЬ К ВЛАСТИ

После длительного – 13-летнего – пребывания в оппозиции на парламентских выборах 2010 г. в Великобритании победила консервативная партия. Эту победу нельзя назвать убедительной, поскольку тори не добились абсолютного большинства, получив лишь 306 мест в палате общин против 258 у лейбористов и 57 у либерал-демократов. Тем не менее, это победа. Первым консервативным премьер-министром XXI столетия стал Дэвид Кэмерон. Он – самый молодой с 1912 г. британский премьер, первый после почти 50-летнего перерыва лидер тори – аристократ и не просто аристократ, а потомок короля Вильгельма IV по прозвищу “Король – моряк” (его линия идет от незаконнорожденной дочери короля). Молодость короля прошла на флоте. Он был прост в обращении и любил общаться с народом. При Вильгельме было запрещено рабство и принят “Билль о реформе” 1832 г., благодаря которому политическая власть в стране перешла в руки промышленной буржуазии. Получается, что Кэмерон состоит в дальнем родстве с королевой Елизаветой. Да и учился он в престижной начальной школе, которую окончили принцы Эндрю и Эдвард. Знаменательно, что после сына строителя (Э. Хит), дочери бакалейщика (М. Тэтчер), сына циркового артиста (Дж. Мэйджор) власть в партии тори вновь перешла к аристократу.

Его отец – Иэн Кэмерон – биржевой маклер, инвалид с детства, родился с сильно деформированными ногами и уже в раннем детстве пережил целую серию операций, позже – лишился обеих ног, а также частично зрения. Он обладал сильным характером и, несмотря на свое увечье, практически не отличался от одноклассников по Итону: так же играл в крикет и теннис, был энергичным и общительным. В 1962 г., получив после смерти отца в наследство поместье, женился на Мэри Маунт, представительнице британского истеблишмента, которая более 30 лет прослужила в магистрате. Отец Мэри также учился в Итоне и Оксфорде, был участником Второй мировой войны. Предок Маунта Дж. Тэлбот был Первым графом Шрюзбери и погиб в финальной битве столетней войны. Имя Тэлбот, так же как Сесил или Черчилль считается великим именем в британской истории. Этот род насчитывает канцлера казначейства в правительстве Р. Уолпола, архиепископа Дублина, епископа Дарема, изобретателя фотографии и даже премьер-министра при Вильгельме III, королеве Анне и Георге I¹.

Дэвид Кэмерон родился 9 октября 1966 г. Он – третий ребенок в семье (у него есть старший брат и сестра). Большую роль в воспитании Дэвида сыграла его няня Гвен Хор, на которую уезжавшие на работу родители оставляли детей и которая воспитывала еще его мать. Дом Кэмеронов был гостеприимным, дети с друзьями проводили много времени на теннисном корте и в бассейне. Дэвид с детства полюбил теннис, эта игра воспитала в нем упорство – он не любил проигрывать. Что же касается верховой езды, то в отличие от брата и сестры он к ней так и не пристрастился. Отец приучил его к охоте, рыбалке. Не случайно, будучи депутатом парламента, он выступал против внесенного

Капитонова Наталия Кирилловна – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ.

¹ *Elliott Fr., Hanning J.* Cameron. The Rise of the New Conservative. London, 2009, p. 9.

лейбористами закона о запрете на охоту на лис с собаками. Отец был для Дэвида примером, уже в детстве он понял, что можно многого добиться в жизни, несмотря на увечья. (Иэн Кэмерон умер летом 2010 г., дожив до того, как его младший сын стал премьер-министром.)

В 7 лет Дэвида отправили в подготовительную школу Хитердаун, являвшуюся в то время одной из самых привилегированных школ страны – в ней учились сыновья Елизаветы II Эндрю и Эдвард, с которым дружил брат Дэвида Алекс. Часто можно было видеть саму королеву, которая подвозила принцев в школу. Помимо королевы среди родителей детей, обучавшихся в школе, были один граф, один лорд, две принцессы, две маркизы, два майора и другие титулованные особы². Дэвид подружился с внуком миллиардера Поля Гетти и по его приглашению даже побывал с группой своих одноклассников (и в сопровождении преподавателя) в США. В Хитердауне готовили к поступлению в Итон. Дети изучали Библию, Старый и Новый Завет, жизнеописание британских монархов, занимались крикетом, футболом и регби, обучались хорошим манерам. Требования были довольно мягкими, и только в выпускном классе перед экзаменами приходилось серьезно работать. Учителя запомнили Дэвида веселым и жизнерадостным, сообразительным и шутливым ребенком. В то время еще не были отменены телесные наказания, и за чтение после отбоя, за разговоры во время церковной службы и другие подобного рода проступки дети подвергались ударам щетки для одежды со стороны директора.

В Итоне, где Кэмерон учился с 1979 по 1984 г., он оказался под покровительством своего старшего брата, что значительно облегчило его пребывание в школе, хотя к тому времени дедовщина в ней уже не практиковалась. Особых успехов в учебе он не проявлял (не случайно преподаватель математики назвал Дэвида единственным из знаменитых учеников, которых он совсем не помнит). В то время он интересовался литературой, историей, музыкой и особенно искусством, но никак не политикой. Иногда посещал заседания Политического общества Итона, на которых выступали знаменитые политики, например лорд Каррингтон, лорд Хьюм, но вступать в консервативную партию совсем не стремился. Что касается спорта, то Дэвид продолжал играть в теннис и даже попал в сборную команду Итона. В 1982 г. его чуть было не исключили из школы за употребление гашиша. Поскольку он лишь курил, но не распространял наркотики, скандал в конце концов был улажен: Дэвида оштрафовали и наказали традиционным итонским способом, лишив вольнительных и обязав написать 500 строк на латинском языке. Британские СМИ вспомнили об этом инциденте в 2005 г., когда Кэмерон баллотировался на пост лидера консервативной партии, сам же он не любит вспоминать об этом.

Дэвид был “хорошистом” (пятерки – только по истории, политике, экономике и истории искусств). Лишь к концу обучения он решил, что будет заниматься политикой и стал готовиться к поступлению в Оксфордский университет, колледж Брэйзноуз. После окончания Итона и до поступления в университет оставалось 9 месяцев, и Кэмерон устроился на работу к своему крестному Т. Рэтбоуну, члену парламента от партии тори. Ему поручили заниматься вопросами образования и борьбы с распространением наркотиков. Кроме того, в течение трех месяцев он работал в компании друга отца в Гонконге в качестве так называемого “ship – jumper” – человека, который высаживался на корабль, встречался с капитаном и проверял судовые документы. Возвращение из Гонконга домой не обошлось без приключений. Кэмерон решил проехать через территорию Советского Союза. Маршрут был следующим: Находка – Хабаровск, затем по транссибирской железнодорожной магистрали в Москву. Там к нему присоединился приятель, с которым они посетили Ленинград и Ялту, где, по словам Кэмерона, чуть было не подверглись вербовке со стороны КГБ, но вовремя сбежали в Киев и далее в Румынию, Венгрию, Австрию. Таким образом, он пересек два континента.

Учеба в “кузнице премьер-министров” Оксфордском университете (1985–1988 гг.), где он изучал политику, экономику и философию, позволила Кэмерону впоследствии

² Ibid., p. 19.

сделать карьеру в политике. Он учился по-настоящему, так как был нацелен на получение самых высоких баллов по изучаемым дисциплинам. Тогда же у него выработалась следующая манера – он никогда не показывал своего превосходства в чем бы то ни было, а свои знания преподносил в легкой, шуточной манере. Он также никогда не подчеркивал, что является выпускником Итона – ни своеобразным, присущим итонцам акцентом, ни одеждой, разве что хорошие манеры были своего рода визитной карточкой этого заведения. Наставник Кэмерона в университете один из ведущих британских специалистов в области права проф. В. Богданор вспоминает его как одного из самых способных своих студентов.

По свидетельству сокурсников, он был дружелюбным, довольно общительным, немного высокомерным и выглядел по-богемному. За склонность к лидерству ему дали кличку “премьер-министр”. Сам он объяснял свои амбиции “синдромом младшего брата”. Примечательно, что, несмотря на традиционную атмосферу левизны в Оксфордском университете, будущий лидер тори демонстрировал стойкие тэтчеристские убеждения, и ничто не предвещало последовавшего позже его сдвига в сторону так называемых “wets” (“слабаков”) в партии, с которыми всячески боролась Тэтчер. К баронессе он относился с должным пиететом, подчеркивая при этом, что далек от ее идеологии и является прагматиком и реалистом. Любопытно, что он даже организовал вечеринку по случаю третьей подряд победы Тэтчер на парламентских выборах, чем немало удивил сокурсников, так как вовсе не принимал участия в деятельности Консервативной ассоциации Оксфорда, а, напротив, вступил в элитарный клуб “Буллингдон”, члены которого славились дурным поведением (регулярно напивались и устраивали пьяные дебоши). Вместе с тем, он был осторожен, не подсел на наркотики и ухитрился избежать приводов в полицию. Дэвид не любит рассказывать о студенческих годах и всегда уходит от вопроса об употреблении наркотиков, подтверждая тем самым, что не избежал этого порока в молодости.

После окончания университета не без протекции со стороны Букингемского дворца, он поступил на работу в Исследовательский департамент консервативной партии, где трудился в команде будущего “теневого” министра внутренних дел (впоследствии своего соперника на выборах лидера тори) Д. Дэвиса. В протекции не было никакой надобности, так как Кэмерон произвел благоприятное впечатление во время интервью и его и так бы взяли на работу. Исследовательский департамент – это передовая часть партийной машины, своего рода гвардия тори. В этот период в руководстве партии происходили сложные процессы, приведшие в конце концов к отставке Тэтчер. 22-летнему Кэмерону поручили заниматься разработкой политики в области торговли, бизнеса, энергетики и приватизации. Зарплата была незавидной, особенно если сравнивать с его друзьями из Сити. Тем не менее, он был амбициозен и все свое время отдавал работе. Уже тогда он обнаружил в себе редкое качество – интуитивно определив слабое место оппонента, бить в него методично и безжалостно, что так пригодилось ему впоследствии в противостоянии Т. Блэру и Г. Брауну в Палате общин.

В 1990 г. Кэмерон был заподозрен в симпатиях к раскольнику в партии М. Хезлтайну. Поэтому неизвестно, как сложилась бы его судьба, если бы Тэтчер не ушла в отставку. В 1992 г. его пригласили на Даунинг-стрит 10 готовить премьеру Дж. Мэйджора к часу вопросов и ответов в парламенте (работа состояла в том, чтобы дважды в неделю приходиться в офис ни свет ни заря, прочитывать газеты, выбирать 20–30 тем, которые могут быть подняты оппозицией в парламенте, готовить примерные ответы, затем представлять их премьер-министру, а зачастую и порепетировать с ним). Как отмечали СМИ, ответы Мэйджора в итоге стали более отточенными. Тогда же он подружился с нынешним министром финансов, ставшим впоследствии руководителем его избирательной кампании на пост лидера партии, Дж. Осборном.

Кэмерон активно участвовал в предвыборной кампании 1992 г., главным успехом которой стало составление с его помощью доклада, представленного затем избирателям, который убедительно демонстрировал, что выполнение всех обещаний лейбористов потребует 35 млрд. ф.ст., а распределение этой суммы на жителей страны выра-

жалось в 1250 ф.ст. на семью. Это был удачный ход, сыгравший немаловажную роль в победе консерваторов на выборах. Однако, надежды Кэмерона на то, что Мэйджор сделает его своим политическим секретарем, не оправдались. Многие коллеги признавались впоследствии, что уже тогда убедились в справедливости и точности его суждений, что выдавало в Кэмероне будущего лидера партии. Он показал себя прекрасным спичрайтером, давал советы высшему руководству страны, включая премьер-министра. А ведь ему было всего 25 лет! По мнению биографов Кэмерона, опыт участия в кампании 1992 г. сделал его фигуру более значительной по сравнению с другими восходящими звездами тори, например, Осборном, который пришел в партию после 1992 г.

Не получив желаемого назначения Кэмерон был настолько разочарован, что даже подумывал уйти из политики. Тем не менее, его следующим занятием стала должность специального советника министра финансов Н. Лэмонта. Канцлер так высоко ценил Кэмерона, что даже позволил ему выходить за рамки своих служебных обязанностей – принимать участие во всех совещаниях в рамках министерства. Работая в казначействе, Кэмерон оказался в эпицентре событий, получивших впоследствии название “Черный сентябрь” (бегство Великобритании из Европейского механизма обменных курсов) и катастрофическим образом сказавшихся на репутации консервативного правительства Мэйджора, что явилось одной из главных причин провала тори на выборах 1997 г. Видя недопустимые и дорого стоившие казне колебания премьера, пытавшегося по совету членов кабинета сохранить членство в этом механизме, Кэмерон потребовал от канцлера жестко сообщить Мэйджору о пагубности такой политики. Безусловно, чтобы решиться на такое, необходима была немалая смелость и убежденность молодого специалиста, недавнего выпускника университета. Спичрайтер канцлера также постарался, чтобы его речь с объяснением причины выхода из механизма обменных курсов не была слишком унижительной (благодаря его мастерству выступление Лэмонта в Политическом центре консерваторов завершилось овацией). Надо отметить, что в СМИ была развернута кампания за отставку министра, с уходом которого терял работу и его советник. Позже Кэмерон рассказывал как анекдот о своей беседе с Лэмонтом, в ходе которой он сообщил, что у него есть 2 новости – хорошая и плохая: хорошая – фотография министра помещена на первой странице газеты “Сан”, а плохая – она находится в центре мишени для игры в дартс³. (Дартс – игра, в которой игроки метают дротики в круглую мишень. – *Н.К.*)

Кэмерон был лоялен по отношению к Мэйджору, но в узком кругу не скрывал, что не одобряет его “роевропейскую” политику и называл неудачником. Тем не менее, баллотировавшись впоследствии на пост лидера партии, он посчитал необходимым заручиться поддержкой бывшего премьера.

У нового канцлера казначейства были свои советники, поэтому оказавшегося не у дел Кэмерона взял к себе М. Ховард – будущий лидер тори, а в то время министр внутренних дел. В результате, он приобрел опыт работы в еще одном важном министерстве. Если в бытность работы в казначействе ему приходилось оппонировать “теневому” министру финансов Г. Брауну, то теперь – другому участнику знаменитого тандема, “теневому” министру внутренних дел Т. Блэру, перехватившему у тори инициативу в борьбе с преступностью и все более активно внедрявшемуся “на чужое поле”. Сравнивая впоследствии Блэра и Кэмерона, Ховард так определил разницу между ними: первый проявляет интерес к инициативам, но не любит заниматься черновой работой (их разработкой и внедрением), что же касается второго, то он делает эту черновую работу, засучив рукава.

Проработав в министерстве полтора года, Кэмерон решил на время оставить политику: он собирался жениться, а зарплата советника (49 тыс. ф.ст. в год) не позволяла содержать семью. Поэтому на 7 лет он ушел в телевизионную компанию “Карлтон”, одну из самых успешных британских компаний, руководитель которой М. Грин был любимцем Тэтчер. Кэмерон стал помощником Грина, а через 2 года – директором компании.

³ Ibid., p. 117.

Часто он сопровождал шефа в поездках в США. Любопытно, что в ходе бесконечных встреч с американскими финансистами от скуки они иногда менялись ролями: Кэмерон изображал из себя руководителя, а Грин – его помощника. Некоторые представители СМИ, сталкивавшиеся с ним в тот период, отмечают, что Кэмерон вовсе не был таким “душкой”, как его стали изображать впоследствии, и что частенько он бывал агрессивен и даже угрожал журналистам, осмеливавшимся высказываться негативно о компании “Карлтон”. Умение Кэмерона быть жестким в интересах дела отмечал и Грин. В свою очередь, редактор газеты “Дэйли тэлеграф” Дж. Рэндал обращал внимание на его умение уходить от ответов на прямые вопросы, а это, по его мнению, подтверждает, что Кэмерон “прекрасно подходит на ту роль, которой сейчас добивается – следующего Тони Блэра”⁴.

В 1995 г. он попытался пробиться в депутаты, но это закончилось неудачей. На следующий год его выбрали кандидатом от избирательного округа Стаффорд. Грин обещал сохранить за ним место директора на случай неудачи на выборах, что выглядело вполне вероятным, учитывая стремительную потерю консерваторами популярности. Впрочем, провал не был уж слишком провальным: Кэмерон проиграл своему сопернику всего 4 тыс. голосов.

Вторая попытка – в 2001 г. – увенчалась успехом, хотя в целом партия тори потерпела поражение. В ходе предвыборной кампании Кэмерон завоевал популярность, объехав свой округ Уитни на велосипеде. Впоследствии он стал применять эту практику. Одновременно с ним в парламент прошел Дж. Осборн, с которым у Дэвида было много общего: оба происходят из состоятельных семей, оба выпускники Оксфорда, оба работали в Исследовательском департаменте консервативной партии, оба любители велосипедов, даже жили неподалеку друг от друга. В СМИ их окрестили “Ноттинг хиллской командой”, “шикарными ребятами”, а видный тори М. Портилло назвал их “ответом” консерваторов на тандем Блэр – Браун.

С 2001 г. наблюдался стремительный взлет Кэмерона, который проделал путь от рядового парламентария до уровня лидера партии всего за четыре с половиной года! Для сравнения, Тэтчер понадобилось для этого 16 лет, Мэйджору – 11 с половиной, Блэру – 11, а Брауну и вовсе 24 года! Уже осенью 2002 г., когда стало очевидно, что И. Данкен Смит долго не просидит в кресле лидера партии, СМИ стали все чаще упоминать имя Кэмерона в качестве претендента. В тот период Кэмерон и Осборн плотно работали с “теневым” премьером, готовя его к выступлениям в палате общин (Кэмерон писал ответы на вопросы, а Осборн шутил). Вскоре Кэмерона назначили заместителем “теневого” лидера палаты. Его первое выступление в этом качестве подтвердило, что он является серьезным претендентом на пост лидера в будущем. В то же время, хвалебные отклики в СМИ вызвали у него опасения относительно последствий такого раннего старта. Вскоре, после обращения 25 членов парламента–тори к главному кнуту с требованием провести выборы лидера партии, правлению Данкен Смита пришел конец. В ходе состоявшихся выборов Кэмерон продемонстрировал свою лояльность лидеру партии, поддержав его кандидатуру, хотя накануне голосования безуспешно пытался отговорить его от участия в выборах, чтобы избежать унижения в связи с неминуемым провалом. Результат известен: Данкен Смит проиграл со счетом 75 против 90.

Новый лидер М. Ховард назначил Кэмерона заместителем председателя консервативной партии. По его поручению он очень плотно занимался так называемым “иракским досье”. Руководство тори намеревалось воспользоваться обличающим, как тогда полагали, лейбористское правительство вердиктом комиссии лорда Хаттона, расследовавшей обстоятельства конфликта между правительством и Би-Би-Си вокруг убийства эксперта министерства обороны Д. Келли, для корректировки позиции партии в вопросе войны с Ираком. Многие консерваторы понимали, что занятая предыдущим лидером позиция полной поддержки действий правительства в Иракском вопросе была ошибочной. Выполняя задание, Кэмерон просмотрел тысячи страниц показаний чиновников

⁴ Ibid., p. 190.

и на их основании подготовил доклад, который должен был нанести решающий удар по позиции правительства. Этот доклад был обнародован консерваторами за несколько недель до вынесения лордом Хаттоном вердикта, обвинительный характер которого сомнений не вызывал, учитывая вскрывшиеся в ходе расследования компрометирующие лейбористов обстоятельства. Поэтому оправдательный вердикт привел тори, в том числе и Кэмерона, в состояние шока. Блэр торжествовал, а оппозиция выглядела очень бледно. С тех пор иракская проблематика заставляет Кэмерона нервничать. При случае, он всегда оправдывает вступление в эту войну. Именно Кэмерон, которому поручили координировать политику консерваторов в ходе предвыборной кампании 2005 г., включая подготовку партийного манифеста, настоял на том, чтобы иракская проблематика не слишком фигурировала на выборах, хотя именно она была самым уязвимым местом правительства Блэра. Позже Ховард сожалел, что пошел на поводу у Кэмерона и его сторонников в этом вопросе. Основное внимание тори уделили вопросам снижения налогов, увеличения численности полиции, наведения порядка в больницах, укрепления дисциплины в школах, контроля над иммиграцией. Это позволило им увеличить свое представительство в палате общин на 33 места.

После выборов имя Кэмерона стало все чаще упоминаться в СМИ, которые обращали внимание на его молодость, интеллект, обаяние и гибкость взглядов. Так, в частности, М. Пэррис, отнюдь не одержимый идеей модернизации партии, подчеркивал: «Он (Кэмерон. – *Н.К.*) – самый высокооцениваемый потенциальный лидер тори за многие годы. Он не ненавистник, не интриган... Он может быть осматрительным. Он может отступить. Он сдержан в высказывании своего мнения. Похоже, он умеет сопереживать. Он разговаривает с избирателями так, как будто лучшие годы их жизни еще впереди, а не позади. Он дитя этого века, а не прошлого»⁵.

После поражения тори в 2005 г. М. Ховард собрался немедленно уйти в отставку, но сторонники «Ноттингхиллской команды» убедили его немного повременить, чтобы дать молодым претендентам время на подготовку к выборам лидера (эта кампания на деле заняла чуть более 7 месяцев). Сам он объяснил свой уход преклонным возрастом: к следующим выборам ему должно было исполниться 70 лет. Чтобы подготовить стартовую площадку для Кэмерона, уходящий лидер предложил ему пост «теневого» канцлера казначейства, но тот отказался, попросив для себя пост министра по делам образования. По всей видимости, он понимал, что канцлерство не сулило ему особых лавров, так как пришлось бы оппонировать Г. Брауну, уверенно руководившему тогда британской экономикой, признаков кризиса которой пока не наблюдалось. В то же время, занимаясь проблемой образования, он мог позиционировать себя в качестве модернизатора. Недовольный отказом, Ховард предложил пост канцлера молодому и напористому Осборну с условием, что тот выдвинет свою кандидатуру на пост лидера. Осборн согласился взять на себя министерство финансов, однако претензий на пост лидера у него не было: он понимал, что шансов быть избранным по причине молодости было крайне мало, о чем он проинформировал Ховарда. Дэвид не мог не знать об этих переговорах, тем не менее, решение выдвинуть свою кандидатуру далось ему не просто. К уговорам друзей и крупных спонсоров партии присоединилась жена Саманта, мнению которой он доверял и которая здраво рассудила, что в данных обстоятельствах и при такой поддержке проявлять излишнюю щепетильность (а Кэмерон публично высказывался за продолжение руководства партией тогдашним лидером) недопустимо: или сейчас, или никогда. В итоге он принял решение баллотироваться, которое было поддержано Осборном, ставшим де факто руководителем его кампании.

Учитывая печальный опыт правившего тандема (Блэр – Браун), оба они впоследствии отрицали заключение между собой какого-либо соглашения на этот счет. Осборн выступил в СМИ с официальным заявлением о том, что не собирается выдвигать свою кандидатуру на пост лидера партии. Отвечая на вопросы журналистов, считают ли они себя Блэром и Брауном нового поколения, Кэмерон отшутился, заметив, что они, по

⁵ The Times, 16.VII.2005.

крайней мере, разговаривают друг с другом (чего не наблюдалось в руководящем тандеме лейбористов в последний год правления Блэра).

Шансы Кэмерона не выглядели поначалу уж слишком оптимистичными по причине возраста (ведь ему было всего 38 лет), а также короткого послужного списка в качестве члена парламента. В то же время его поддерживали молодые тори, прошедшие на выборах в палату общин.

Серьезным претендентом был Д. Дэвис. В его лице выпускнику Итона противостоял уверенный в себе, амбициозный человек, пробившийся из низов: сын матери-одиночки, бывший официант и десантник. В последние 50 лет партией тори руководили люди аналогичного происхождения. Не случайно Кэмерон охарактеризовал “старых итонцев” как меньшинство в парламентской фракции. Позже он в шутку замечал, что помнит о своем “ужасном Curriculum Vitae” (краткие сведения о себе, т.е. резюме) – учебе в Итоне, Оксфорде⁶. 14 “итонцев” первыми поддержали его кандидатуру, но этого было явно недостаточно. Дэвис довольно удачно использовал подзабытый лозунг “партия одной нации” (другими словами, партия, способная сплотить бедных и богатых в одну нацию). Однако он был популярен в основном среди представителей правого крыла, остальные считали его расчетливым, эгоистичным и необаятельным всезнайкой. Он уже видел себя новым лидером тори и стал обрабатывать членов фракции с таким напором, что это вызвало обратную реакцию.

В конце июня в гонку включился бывший министр финансов правительства Мэйджора К. Кларк, за ним – выдвиженец тэтчеровского крыла Л. Фокс (“теневой” министр иностранных дел и ровесник Кэмерона), а позже еще один бывший министр – М. Рифкинд. Для Кларка это была уже третья попытка пробиться в лидеры партии (в 1997 г. он проиграл У. Хейгу, в 2001 г. – Данкен Смиту). Его сторонники всячески подчеркивали, что увлечение Кэмерона охотой и ланчами в аристократических клубах будет подрывать его позиции при обращении к миллионам простых британцев. Но Кларк был убежденным европеистом (хотя и обещал не тащить страну в зону евро), и это давало умеренному евроскептику Кэмерону большое преимущество. 65-летний Кларк был староват для лидера, кроме того, он служил в качестве директора британо-американской табачной компании, чья деятельность в развивающихся странах вызывала много вопросов.

Многие тори не разделяли стремления Кэмерона стать лидером, считая его молодым и неопытным. Так, ему не удалось заручиться поддержкой такого “тяжеловеса” в партии, как лорд Хезлтайн, который сыграл важную роль в свержении Тэтчер, а также Портилло. Сомнение по поводу его кандидатуры выражал и бывший шеф Лэмонт.

Поначалу предвыборная кампания будущего лидера тори под лозунгом “измениться, чтобы победить” проходила вяло, мешало его типично британское неприятие всякого рода саморекламы. Дело дошло до того, что даже члены команды, которых называли “кэмерунцами”, начали сомневаться в успехе.

В один момент Кэмерон переломил ситуацию, когда, выступая в Королевском институте объединенных служб, он начал говорить “без бумажки”. Решиться на этот шаг его заставили воспоминания о выступлении Лэмонта на конференции партии осенью 1992 г., которое по существу было провалено из-за светивших ему в лицо софитов, мешающих воспроизвести текст телесуфлера. Однажды он уже использовал этот прием, когда баллотировался на пост кандидата в парламент от округа Уитни. Безусловно, это было рискованно: потеря нити в выступлении могла стоить Кэмерону карьеры. Справедливости ради следует отметить, что презентация еще одного претендента – М. Рифкинды – также проходила “без бумажки”, но его выступление не произвело впечатления на публику потому, что он пару раз спотыкался. “Фристайл” Кэмерона прошел без сучка и задоринки, и лишь много позже он признался, что один раз все же потерял нить своего выступления, но этого, к счастью, никто не заметил⁷.

⁶ Jones N. Campaign 2010. The Making of the Prime Minister. London, 2010, p. 59.

⁷ Cameron on Cameron. Conversations with Dylan Jones. London, 2008, p. 84.

Через неделю – 4 октября – он повторил тот же трюк на ежегодной конференции тори в Блэкпуле, ставшей своеобразным “конкурсом красоты”, когда из многих претендентов предстояло выбрать нового лидера партии. Этот конкурс был задуман Ховардом, который хорошо знал, что нелюбимый им основной претендент Дэвис является плохим оратором. Речь Кэмерона, в которой, расхаживая по сцене, он обосновал необходимость фундаментальных изменений в партии, произвела на делегатов, а также на представителей СМИ сильное впечатление. Его призыв энергично бороться за воплощение современного “сострадательного консерватизма” в жизнь (“и тогда никто и ничто не сможет остановить нас”) был встречен овацией. Он вновь воспроизвел свою речь наизусть, и это произвело настоящий фурор. Будучи опытным пиарщиком, он также вызвал на сцену свою беременную жену, что способствовало укреплению его имиджа. Что же касается Дэвиса, то его выступление, как и ожидалось, было невыразительным, и хотя команда всячески оправдывала его, утверждая, что лидеру вовсе не обязательно быть хорошим оратором, было очевидно, что тот отправлен в нокаут.

Поддержка Кэмерона возросла с 16 до 39%, в то время как у Дэвиса этот показатель составил 30, у Кларка – 26, Фокса 13%⁸. Пресса заговорила о его “звездности”, поражаясь тому, как буквально за несколько месяцев ему удалось проделать путь от мало кому известного тори до “одной из самых привлекательных фигур в политике”⁹. Опросы подтверждали необходимость изменений в партии, а также озабоченность рядовых консерваторов не традиционными для тори проблемами преступности и иммиграции, а здравоохранением, работой общественных служб, привлечением в партию женщин и представителей этнических меньшинств. Немаловажную роль сыграла поддержка британцев в целом: опросы показывали, что с Кэмероном во главе тори обходят лейбористов на 5%, с другими претендентами партия будет плестись далеко позади правящей партии¹⁰.

В соответствии с правилами делегаты должны были выбрать 2 наиболее популярные кандидатуры, которым предстояло в качестве претендентов участвовать в избрании лидера всеми членами партии (принцип “один член – один голос”). Этими двумя, в результате, стали Кэмерон (явный фаворит) и Дэвис. Попытка Ховарда вернуться к прежним правилам, когда лидер избирался только членами консервативной фракции парламента, не встретила поддержки членов партии, расценивших это как зажим демократии. Кандидатура Кэмерона устраивала тех тори, кто голосовал за других претендентов. Не случайно 2/3 из них заявили, что они не возражали бы и против его победы. 19 ноября Кэмерона поддержали 116 из 198 членов консервативной фракции, включая бывших лидеров У. Хейга, И. Данкен Смита и М. Ховарда, который в своем прощальном выступлении на конференции недвусмысленно высказался в пользу молодых. Что же касается всех членов партии, то из 254 тыс. за него проголосовало 78%¹¹.

Безусловно, избрание Кэмерона произошло благодаря его личным качествам, но также потому, что уставшая от прозябания в оппозиции партия тори жаждала реванша, а все предыдущие лидеры по разным причинам не смогли привести ее к победе. Поскольку бороться с Блэром было непросто (в ходе этой борьбы сменилось 4 лидера партии), консерваторы решили использовать против лейбористов их же оружие, скопировав Блэра. Кэмерон был молод и харизматичен, он так напоминал молодого Блэра, и тори поверили, что ему удастся повторить то, что в свое время совершил лидер лейбористов – модернизировать партию и вернуться во власть. Другими словами, большинство членов партии посчитали, что 39-летний Кэмерон, выступающий за смещение тори в сторону центра, лучше отвечает требованию момента.

⁸ *Bale T.* The Conservative Party from Thatcher to Cameron. London, 2010, p. 278. См. также: *Рахимир П.Ю.* Британские тори: возрождение или угасание? – Новая и новейшая история, 2011, №1.

⁹ *Jones N.* Op. cit., p. 99.

¹⁰ *Ibid.*, p. 279.

¹¹ *Bale T.* Op. cit., p. 280, 282.

Сходство с Блэром заключается также в том, что лидер тори – примерный семьянин, отец троих детей (еще один ребенок, страдавший от церебрального паралича и эпилепсии, скончался в 2009 г.). После рождения второго сына в феврале 2006 г. Кэмерон даже взял двухнедельный отпуск по уходу за ребенком, хотя в свое время голосовал против закона о предоставлении таких прав мужчинам. Семья, которая, по его словам, всегда стояла для него на первом месте по сравнению с амбициями стать премьер-министром¹², вольно или невольно способствовала популярности будущего лидера. Впустив журналистов в свою жизнь, показав больного сына, Кэмерон вызвал волну сострадания к себе со стороны простых британцев. Его заявления в поддержку британской системы здравоохранения, от которой так сильно зависела его семья, вызвали доверия, приобретающая особый смысл. Впоследствии его открытость в этом вопросе даже стала причиной обвинений со стороны противников в нещадной эксплуатации семьи в политических целях.

Род супруги лидера тори Саманты восходит к Карлу II: она правнучка в 9 степени фаворитки короля Нелл Гвин. Более 300 лет назад семья предков Саманты владела Букингемским домом, ставшим впоследствии Букингемским дворцом. Подруга сестры Дэвида, она стала успешным дизайнером и зарабатывает больше мужа. Хотя и Кэмерон вовсе не беден: его состояние оценивают в 4 млн ф.ст.

Избрание Кэмерона лидером тори кардинально изменило ситуацию: если раньше единственная оппозиция Блэру была в его собственной партии, то теперь ему противостоял молодой, энергичный и многообещающий лидер, далекий, по его словам, от всякой идеологии прагматик и реалист, а также центрист, что даже дало повод для упреков со стороны лейбористов, что он играет “на их поле”. Назвавший себя “наследником” Блэра, Кэмерон сразу же дал понять, что с ним связано будущее страны, а с Блэром прошлое. На публике уходящий премьер демонстрировал снисходительное великодушие в отношении нового лидера тори, подчеркивая, что этот “легковес” вскоре столкнется с “большим кулаком” Г. Брауна, когда тот станет премьер-министром, в узком же кругу не скрывал, что тот является серьезным претендентом на высший пост в стране.

К удивлению многих аналитиков в своих мемуарах, опубликованных в сентябре 2010 г., Блэр отзывается о лидере тори, как о человеке, “не понимающим, в какую сторону ему двигаться”, “не уверенном не только в том, сможет ли он изменить свою партию, но и в своем желании сделать это”. В то же время он признает, что Кэмерон умен и в нем чувствуется жесткость¹³.

Кэмерону, безусловно, льстило сравнение с Блэром, которого он считал блестящим политиком. Но между ними существовала и большая разница: Блэр был аутсайдером в лейбористской партии, про него говорили, что он взобрался на самый верх по стене здания, он никогда не работал в профсоюзах или в общественных организациях. Что же касается Кэмерона, то он последовательно прошел все ступени внутри здания, этаж за этажом, и только на финише резко рванул вперед. И все-таки можно считать, что Кэмерону повезло в том, что он столкнулся с Блэром тогда, когда тот был уже на закате своей славы, в противном случае его политическая судьба скорее всего была бы незавидной.

Обновление руководства тори было поддержано британцами, и уже на выборах в местные органы власти в мае 2006 г. консерваторы получили 40% голосов избирателей, уверенно обойдя лейбористов (27%) и либерал-демократов (26%). Возможно, также сработало то, что в ходе предвыборной кампании 140 тыс. писем за подписью лидера было направлено тем избирателям в ключевых для тори округах, которые, как предполагалось, голосовали на выборах за либерал-демократов, с целью убедить их поддержать консервативную партию.

Новый лидер держался уверенно, что было заметно уже в ходе первой в новом качестве лидера оппозиции дуэли в палате общин 7 декабря 2005 г. Кэмерон прибыл в парламент на велосипеде, в сопровождении огромной группы фотографов и команды

¹² Jones N. Op. cit., p. 121.

¹³ Blair T. A Journey. London, 2010, p. 489, 609, 610.

Би-Би-Си, освещавшей его проезд с вертолета. Портилло назвал это “самой успешной политической пропагандой за многие годы”¹⁴.

Оппонирование премьер-министру не было для него чем-то совсем новым, так как ранее он занимался подготовкой к парламентскому часу вопросов и ответов как премьера, так и лидеров оппозиции. Кроме того, он ощущал за собой поддержку не только членов собственной партии, но и избирателей в целом (тори сразу же обошли по популярности лейбористов). Впрочем, их еще предстояло убедить в том, что консервативная партия серьезно меняется, двигаясь по направлению к центру. Еще осенью 2004 г. в своих выступлениях Кэмерон начал акцентировать необходимость ее сдвига, модернизации, ликвидации искусственных разногласий с лейбористами, корректировки курса в отношении Европы. Он предлагал построить сильное общество, в центре которого будет семья. Кэмерон подчеркивал, что главной ошибкой тори был их уход вправо, в то время как лейбористы двигались к центру. Эту политику предстояло исправить.

Новый лидер заговорил на темы, непривычные для тори: охрана окружающей среды (так называемое “качество жизни” – здесь он вторгся на поле либерал-демократов), международные отношения, состояние государственных школ и Национальной службы здравоохранения. Он обещал, что будущее консервативное правительство сохранит высокий уровень ассигнований на общественные нужды. Впрочем, в конце кризисного 2008 г. тори от этого потихоньку отказались, мотивировав корректировку необходимостью ставить реальные цели, что должно было убедить избирателей в том, что консервативная партия превратилась в “прагматичную и умеренную альтернативу лейбористам”¹⁵.

“Теневой” кабинет Кэмерона удивил наблюдателей: своего соперника на выборах лидера Дэвиса он оставил в должности министра внутренних дел, другой соперник – Фокс – был назначен министром обороны, а бывший лидер партии Хейг стал министром иностранных дел. Еще одному бывшему лидеру Данкен Смиту было поручено заниматься вопросами социальной справедливости. Членами “теневого” кабинета стали также 4 женщины (в кабинете Ховарда их было только две). Попытки предыдущих лидеров расширить представительство женщин в руководстве партии и во фракции закончились неудачей. Действительно, недостаточное представительство женщин у тори бросалось в глаза. Достаточно сказать, что 17 женщин во фракции после парламентских выборов 2005 г. – это всего на 4 больше, чем в 1932 г.(!) На них приходилось только 6% от всех депутатов парламента – консерваторов (и 6% составляли представители этнических меньшинств)¹⁶. Такое положение необходимо было срочно менять.

Уже через неделю после избрания нового лидера был составлен список “лучших и умнейших” из 100 имен (позже расширенный до 200), которых следовало продвигать на освобождавшиеся места в парламент. Половину из них составляли женщины. Список включал в себя также значительное количество представителей этнических меньшинств и инвалидов. Правда, такое положение вызвало недовольство партийных активистов, так как многие из названных, как говорится, не прошли школу консервативной партии, работали в частном секторе и принадлежали в основном к верхнему слою среднего класса. Через год от списка отказались, но осталось требование к местным организациям, чтобы 50% мест выделялось для женщин. В результате, к концу 2008 г. 1/3 выигранных мест приходилась на женщин – кандидатов, а 5% – на представительниц этнических меньшинств¹⁷. В 2007 г. Кэролайн Спелмен была назначена председателем консервативной партии, а две женщины – мусульманки вошли в “теневое” правительство.

Команда Кэмерона состояла из однокашников – итонцев (С. Хилтон, О. Летвин, М. Гоув, Дж. Осборн). В СМИ ее называли “группой весьма привилегированных и

¹⁴ Jones N. Op. cit., p. 114.

¹⁵ Bale T. Op. cit., p. 285.

¹⁶ The Conservatives under David Cameron. Built To Last? Ed. by S. Lee and M. Beech. London, 2009, p. 8.

¹⁷ Elliott Fr., Hanning J. Op. cit., p. 302.

высокомерных учеников закрытых частных школ”¹⁸. Во избежание конфликтов между командами лидера и “теневого” канцлера их кабинеты в здании парламента расположили рядом, а членов команды посадили вместе. Для того чтобы подправить имидж партии главой комитета по коммуникациям и планированию был назначен бывший редактор популярного и скандального таблоида “Ньюз оф зе уэлд” Э. Коулсон, который обеспечил связь с медиа-магнатом Р. Мэрдоком (ему принадлежало 42% британских газет, а также телевизионный канал “Скай ньюз”). В результате переговоров, в ходе которых Мэрдоку были даны определенные обещания, последний официально объявил в 2009 г. о переходе в стан консерваторов.

Новыми установками, разработанными еще в 2003 г., но доведенными до членов партии только с приходом Кэмерона, призванными изменить отношение избирателей к консерваторам как к “скверной” партии (так, по словам председателя тори Т. Мэй, ее воспринимали в народе) стали следующие: говорить с избирателями о проблемах, которые их волнуют и понятным языком; объяснять, за что выступает консервативная партия, а не просто критиковать действия лейбористов; быть последовательными и не избегать повторения; относиться с уважением к современной Великобритании (поддерживать правительство, когда оно действует правильно)¹⁹. Когда начался мировой экономический кризис, Кэмерон настоятельно рекомендовал консерваторам – парламентариям провести часть отпуска на работе в местных партийных организациях, чтобы быть поближе к простым людям и их проблемам (впрочем, это не имело большого успеха). В качестве советника по вопросам глобализации и бедности привлекли популярного рок-музыканта Б. Гелдофа, а ответственным за политику партии в области экологии был назначен известный “зеленый” парламентарий П. Эйнсворт.

Было создано 6 рабочих групп, которые в течение полутора лет должны были подготовить предложения по изменению политики партии в следующих областях: социальная справедливость, качество жизни, глобализация и проблема бедности, национальная и международная безопасность, экономическая конкурентоспособность и улучшение работы общественных служб. Итоговые доклады групп имели рекомендательный характер, последнее слово в выработке партийной политики – так называемого “сострадательного консерватизма” – оставалось за лидером партии. Сам термин “сострадательный консерватизм” был позаимствован из идеологического арсенала Дж. Буша-младшего, сделавшего его центральным элементом своей президентской кампании 2000 г.

В документе²⁰, опубликованном через 3 месяца после избрания нового лидера партии, Кэмерон призвал тори переключиться с обсуждения экономической политики на решение социальных проблем, так как самой серьезной для страны, по его мнению, была угроза не экономического, а социального упадка. Подчеркивая, что в жизни есть “большие ценности, чем деньги”, он ратовал за улучшение окружающей среды, ликвидацию глобальной бедности (рассматривая это как средство укрепления безопасности страны), контроль над иммиграцией. Лейтмотивом его выступлений стал акцент на необходимости починить “разбитое общество” (этот тезис Кэмерон позаимствовал у своего соперника на выборах лидера партии Л. Фокса), в котором миллионы безработных брошены на произвол судьбы. Для достижения этого предполагалось провести в том числе реформу в области образования, которая сделала бы его получение более справедливым по отношению к беднейшим слоям, а также позволила бы родителям, благотворительным и другим организациям создавать новые школы в государственном секторе. Тори предложили поддержку семьи, лицам, находящимся в поисках работы, а также расширение полномочий полиции в ее борьбе с уличной преступностью²¹.

В подтверждение серьезности своего увлечения проблемами экологии Кэмерон даже поручил ремонт своего дома известному эко-декоратору, в результате чего дом

¹⁸ The Daily Mail, 23.V.2007.

¹⁹ *Bale T. Op. cit.*, p. 288–289.

²⁰ *Built to Last. The Aims and Values of the Conservative Party.* London, 2006.

²¹ *The Conservatives under David Cameron*, p. 10–11.

был оснащен солнечными батареями, ветряным двигателем и другими подобного рода приспособлениями. Кроме того, новый лидер стал передвигаться на экологическом виде транспорта – велосипеде. Правда, вскоре обнаружилось, что за ним следует его “Лексус”, который везет портфель и одежду. Кэмерон признал это ошибкой и извинился.

Несмотря на то, что Кэмерон периодически делал реверансы в сторону Тэтчер, Черчилля и других выдающихся деятелей консервативной партии, несогласные с пересмотром партийной политики и отказом от традиционных ценностей представители правого крыла (так называемые “хранители огня Тэтчер”) не переставали называть его “волком в либерал-демократической овечьей шкуре”, “либерал-демократической овцой во главе стаи волков-тори” и даже жестоким диктатором, намеренным уничтожить саму память о тэтчеризме²². На самом деле, как неоллиберал в экономике и евроскептик в политике, Кэмерон безусловно тэтчерист, а точнее – посттэтчерист, но его социальная политика, отношение к работе общественных служб, решению проблем окружающей среды и бедности говорит о сильном влиянии на него “нового лейборизма”. Таким образом, память о тэтчеризме была жива, а вот идеология тэтчеризма стала достоянием истории, уступив прагматизму.

Успехи, которые стала демонстрировать партия тори на выборах в местные органы власти уже весной 2006 г., равно как и финансовые потоки, поступающие в партию впервые за долгие годы безденежья, более или менее примирили недовольных с новым лидером. За первые три месяца 2006 г. тори получили в виде пожертвований 9 млн ф.ст., тогда как при Ховарде сумма за тот же период составила всего 2,6 млн, при Данкене Смите – 1,6²³. Согласно “Таймс”, к 2008 г. ежегодные пожертвования консервативной партии равнялись почти 16 млн ф.ст.²⁴

Безусловно, выстраивание отношений с Тэтчер было делом непростым. С одной стороны, она выражала крайне правые, если не сказать одиозные, взгляды в партии, с другой стороны, Кэмерон, пытающийся сдвинуть тори к центру, не мог не считаться с многочисленными сторонниками баронессы (включая и своих родителей), в поддержке которых он безусловно нуждался. Ему приходилось периодически прибегать к умиротворяющей правых антиевропейской риторике, чтобы они не ушли в Партию независимости Соединенного Королевства (UKIP), выступающую за выход страны из ЕС.

Кэмерон характеризовал Тэтчер как человека, “знающего ответ на твой вопрос еще до того, как ты его сформулируешь”²⁵. Еще во время работы в Исследовательском департаменте он дважды встречался с Тэтчер, и по крайней мере одна из этих встреч могла положить конец его политической карьере: занимаясь вопросами торговли, он не смог назвать премьер-министру величину дефицита британского торгового баланса. Став лидером партии, Кэмерон был представлен баронессе на одном из неформальных мероприятий. Он был в костюме, но, по обыкновению, без галстука. То ли по причине своего плачевного физического состояния, то ли в назидательных целях, она поинтересовалась у Кэмерона, какое место он предполагает получить в правительстве. Когда баронессе объяснили, кто перед нею, Тэтчер выкрутилась из затруднительной ситуации, заметив, что не может представить себе лидера консервативной партии без галстука²⁶.

Отдавая дань заслугам баронессы, на конференции партии в 2006 г. в Борнмуте Кэмерон заявил, что тори гордятся великолепными достижениями ее правительства. А в преддверии конференции 2007 г. уже Осборн в своих интервью подчеркивал, что он с Кэмероном, а вовсе не Блэр с Брауном, являются преемниками Тэтчер²⁷. Однако лейбористу Брауну удалось переиграть руководство тори: баронесса была приглашена на

²² *Bale T.* Op. cit., p. 294.

²³ *Ibid.*, p. 303.

²⁴ *The Times*, 1.V.2009.

²⁵ *Cameron on Cameron...*, p. 35.

²⁶ *Elliott Fr., Hanning J.* Op. cit., p. 87.

²⁷ *The Daily Telegraph*, 28.IX.2007.

Даунинг-стрит, 10 и тепло принята премьер-министром, а это вновь дало пищу разговорам о том, что Кэмерон не относится к ней с должным пиететом.

В своем выступлении на конференции 2006 г. лидер тори практически не упоминал Европу, проблемы иммиграции и преступности. Его заявление о необходимости укрепления семьи, в том числе и нетрадиционной, вызвало раздражение правых. Он также особо подчеркнул важность улучшения работы Национальной службы здравоохранения и тем самым вторгся на поле лейбористов. Кэмерон не скрывал, что эта озабоченность была в том числе и личной как отца ребенка – инвалида. “Тони Блэр как-то определил свои приоритеты тремя словами – образование, образование, образование, – сказал он. – Я тоже могу это сделать тремя словами – Национальная служба здравоохранения”²⁸. Кэмерон неоднократно подчеркивал, что понимает проблему здравоохранения лучше, чем его коллеги по партии, а может быть, и жители страны. Что же касается образования, то он выступил за повышение образовательных стандартов, за качественное образование для бедных. Хотя образование было коньком Кэмерона (им он занимался еще в Исследовательском департаменте, а потом на посту “теневого” министра), тем не менее многие считали, что выпускник Итона не имеет права указывать остальным, в каких школах учиться. Это было связано с выпадами его “теневого” кабинета против “grammar schools” (одна из разновидностей школьного образования в Великобритании), в которых учились в основном представители среднего класса. Сам выпускник такой школы бывший лидер Ховард (как и четверть членов консервативной фракции парламента) был взбешен и даже собрался писать письмо в газету “Дэйли тэлеграф” с осуждением Кэмерона, но его удалось отговорить. Поскольку это отражалось на его популярности, лидер партии поспешил скорректировать свою позицию в этом вопросе: было принято решение строить “grammar schools” там, где это представлялось необходимым.

В парламенте Кэмерон действовал так, как поступали до него многие лидеры оппозиции: выбирая слабые места в политике лейбористского правительства он методично обстреливал премьер-министра и других членов кабинета, но в отличие от своих предшественников делал это умело и последовательно. Его нападки поддерживали очнувшиеся от летаргического сна заднескамеечники, воодушевленные напором своего предводителя.

Кэмерон восхищался Блэром, его организаторскими и ораторскими способностями. Любопытно, что блистательная речь Блэра в Палате общин в марте 2003 г., в которой он обосновал необходимость вторжения в Ирак, произвела такое сильное впечатление на будущего лидера тори, что он распространил ее среди избирателей своего округа. Даже презиравшая Блэра “Дэйли мэйл” назвала речь премьера одним из тех редких представлений в парламенте, которые оказывают “влияние на сердца, умы и голоса”²⁹. Тем не менее, Блэру не удалось убедить в необходимости войны с Ираком треть парламентской фракции лейбористов (139 членов), которая проголосовала против собственного правительства.

Многие тори вздохнули с облегчением, когда стало известно, что Блэр, наконец, уходит с поста премьер-министра. Кэмерон в этой связи заявил, что является одним из немногих, кто все еще считает Блэра блестящим политиком. “Слава Богу, он уходит”, – добавил Осборн³⁰. Тори, безусловно, хотели бы ускорить уход Блэра и передачу власти Г. Брауну, который, по словам того же Осборна, был не только “неприятен и жесток”, но и “с пророченной датой продажи”³¹. Проявив благородство, лидер консерваторов не стал добивать “лежачего”: в последний день пребывания Блэра в прежнем качестве в палате общин 27 июня 2007 г. проникшийся серьезностью момента Кэмерон не только отказался от нападок, но и дал высокую оценку деятельности уходящего премьер-

²⁸ *Bale T. Op. cit.*, p. 316.

²⁹ *Rawnsley A. The End of the Party. The Rise and Fall of New Labour. London, 2010, p. 170.*

³⁰ *Ibid.*, p. 408.

³¹ *Bale T. Op. cit.*, p. 286.

министра. Все члены палаты независимо от их партийной принадлежности, а также присутствовавшие на галерее для зрителей, стоя аплодисментами проводили своего премьера в отставку.

Поначалу сменивший Блэра на посту главы правительства Браун не рассматривал молодого лидера консерваторов в качестве угрозы для правящей партии и относился к нему, как к представителю старой гвардии тори. Он полагал, что в критике Кэмерона следует сделать упор на его учебе в привилегированном Итоне, но не был поддержан Блэром, который также учился в “шотландском Итоне” – Фэттесе.

После отставки Блэра рейтинг нового премьер-министра сначала был высок. Браун заявил, что будет бороться с коррупцией (страна еще не оправилась от потрясения, узнав, что правительство продавало пэрские места в палате лордов), сделает министров подотчетными парламенту, продолжит конституционную реформу, займется улучшением окружающей среды. Было начато строительство дешевого и экологически чистого жилья в провинции и на бывших военных полигонах. Премьер лично контролировал борьбу с вспышкой ящура в стране и наводнениями летом 2007 г., отдавая приказания из антикризисного центра COBRA (Cabinet Office Briefing Room A), под его руководством была предотвращена попытка терактов в Лондоне и Глазго. Благодаря этому существенно возрос рейтинг правящей партии, и она впервые за 8 месяцев опередила тори в опросах. Как бы ни отзывался Кэмерон о премьер-министре на публике, в кругу коллег он заявлял, что Брауна нельзя недооценивать.

Серьезным ударом по консерваторам стало решение Брауна пригласить в правительство (которое называли “правительством всех талантов”) представителей других партий. Одним из тех, кто принял это предложение, был К. Дэвис, сопроводивший свой переход в стан лейбористов открытым письмом Кэмерону, содержавшим обвинения его в цинизме, неискренности и стремлении понравиться публике. Двое парламентариев-консерваторов – П. Мерсер и Дж. Беркоу – стали советниками лейбористского правительства.

В целях закрепления успеха окружение Брауна даже подумывало о проведении внеочередных парламентских выборов, чтобы обеспечить новому премьер-министру бесперебойное пятилетнее правление. Но было и другое мнение, которого придерживались такие лейбористские “тяжеловесы”, как Дж. Стро, А. Джонсон и канцлер А. Дарлинг, полагавшие, что для победы на выборах требуется многомесячное лидерство в опросах общественного мнения. Сам Браун считал, что ему потребуется по меньшей мере год, чтобы утвердиться в должности премьера. К тому же – что представлялось важным – против досрочных выборов была настроена медиаимперия Мэрдока, а значит респектабельная и очень влиятельная газета “Таймс”, самые массовые таблоиды “Сан” и “Ньюс оф зе уорлд”, с мнением которых нельзя было не считаться. Аналитики предсказывали Брауну в случае проведения выборов большинство в Палате общин в 35–45 мест, что показалось ему явно недостаточным. Наверно позже британский премьер жестоко пожалел о том, что так бездарно упустил возможность получить от избирателей мандат на управление страной.

Затея с выборами представлялась лейбористам весьма удачной для игры на нервах консерваторов, которые откровенно запаниковали, будучи уверенными в том, что партия потерпит неминуемое, теперь уже фатальное поражение. Новое руководство тори отчаянно нуждалось во времени, необходимом для того, чтобы убедить страну в преимуществах “сострадательного консерватизма”. Внеочередные парламентские выборы были совсем не ко времени. В этих условиях не поддавшийся панике Кэмерон и его ближайшее окружение нанесли правительству ответный, очень чувствительный удар: на конференции тори “теневой” министр финансов Осборн объявил о намерении будущего консервативного правительства сохранить налог на наследство только для миллионеров, освободив от него широкие массы британцев, а также обложить налогами проживающих в Великобритании богатых иностранцев (его предложение было с энтузиазмом встречено народом). Годом ранее он подчеркивал, что консервативная партия выступает за сокращение налогов, но не в ущерб деятельности общественных служб.

Конференция прошла под лозунгом укрепления семьи, порядка, усиления ответственности общества, превращения Великобритании в страну, комфортную для проживания с точки зрения экологии и безопасности, а также улучшения здравоохранения. В довершение ко всему лидер тори произнес 3 октября блестящую речь. Благодаря своей уникальной памяти, не раз выручавшей его в годы учебы в школе и университете, он вновь выучил речь наизусть и более часа говорил без бумажки. А закончил такими словами: “Пусть люди вынесут свое решение в отношении 10 лет пустых обещаний... Пусть люди решат, кто способен провести в жизнь изменения, в которых нуждается наша страна. Объявляйте выборы! Мы будем сражаться! Британия победит!”³². Эти слова были встречены шквалом аплодисментов.

Преимущество лейбористов в опросах общественного мнения мгновенно испарилось, что заставило опасавшегося “подвешенного” парламента Брауна окончательно отказаться от мысли проводить внеочередные выборы. Это было ошибочное, можно сказать роковое решение, которое к тому же выглядело как унижительное отступление напуганного перспективой провала на выборах премьера. Так резко популярность правительства не изменялась со времен Фолклендской войны, а по имиджу нерешительного Брауна был нанесен сокрушительный удар, от которого он уже не смог оправиться. Таким образом, тори получили то, в чем так нуждались – несколько дополнительных лет, необходимых для обработки избирателей, что позволило им впоследствии одержать победу на выборах.

Премьер тут же попытался вырвать инициативу у тори, предложив поднять порог налога на наследство, но это расценили как отчаянную и неудачную попытку правительства подправить свое незавидное положение. Что же касается популярности лидера консерваторов, то она взлетела почти до 80 пунктов.

Почувствовав поддержку избирателей и СМИ, Кэмерон усилил нападки на премьер-министра. Он действовал против Брауна более жестко и агрессивно, чем против Блэра. В своих выступлениях он не уставал подчеркивать разочарование в связи с отказом Брауна провести выборы, называя того первым премьером, который отказался от выборов потому, что собирался на них победить. Он высмеивал премьера как “слабого” и “трагического” политика, называя его “посмешищем”³³, обвинял в отсутствии у него стратегии и задавался вопросом, как долго еще придется ждать стране, прежде чем “прошлое уступит дорогу будущему”. Когда Браун допустил в своем выступлении в парламенте оговорку о том, что “спас мир” от углубления финансового кризиса, Кэмерон немедленно отреагировал, указав на то, что премьер-министр так занят спасением мира, что совсем упустил из виду нужды своей страны. Успех консерваторов был подкреплен победой на выборах мэра Лондона в мае 2008 г. их представителя, итонского однокашника Кэмерона Б. Джонсона.

Особенностью Брауна является то, что он никогда не признавал своих ошибок, даже если они были очевидны. Любопытно, что даже его кумир бывший глава Федеральной резервной системы США А. Гринспен признал ошибочность своей теории о безобидности финансовых пузырей, но на это так и не смог решиться его послушный последователь. Лидер тори очень ловко использовал это в полемике с премьер-министром, методично призывая того признать очередную ошибку или просчет. В этих дуэлях Браун выглядел упрямым и усталым. Он болезненно воспринимал нападки и, по словам автора бестселлера “Конец партии” Э. Ронсли, вынужден был самым тщательным образом готовиться к встречам с лидером оппозиции в ходе парламентского часа ответов на вопросы и даже репетировать, при этом роль Кэмерона на этих репетициях исполнял министр иностранных дел Д. Милибенд³⁴. На этом этапе к лидеру оппозиции подключился также и лидер либерал-демократов Н. Клегг, который всячески подчеркивал нерешительность Брауна и его слабость как премьер-министра. Согласно опросам уже

³² Цит. по: *Elliott Fr., Hanning J.* Op. cit., p. 327.

³³ *Bower T. Gordon Brown. Prime Minister.* London, 2007, p. 514.

³⁴ *Rawnsley A.* Op. cit., p. 521.

весной 2008 г. Браун уступал лидеру тори по всем статьям – компетентности, решительности, интеллигентности и даже близости к народу³⁵. Заместитель Клегла в партии В. Кейбл (ставший в нынешнем коалиционном правительстве министром по делам бизнеса) констатировал очевидное, когда в ходе дебатов в парламенте обратил внимание присутствовавших на удивительное превращение Сталина (именно с ним сравнивали премьер-министра) в мистера Бина³⁶, что было встречено гомерическим хохотом депутатов.

Ухудшало положение Брауна то, что он не смог правильно выстроить отношения с лидерами оппозиции. При личных встречах он относился к ним высокомерно и покровительно, не уставая напоминать о своем огромном опыте деятельности в качестве члена парламента, которым являлся с 1983 г., что не могло не раздражать его визави. Браун вовсе не удостоил вниманием предложения лидера тори, направленные на преодоление последствий кризиса, посчитав его некомпетентным в этих вопросах. Кэмерон же с начала 2009 г. начинает говорить о такой экономике, когда граждане живут по средствам, откладывая на черный день, о “веке аскетизма”, чтобы страна не превратилась вновь в “больного человека Европы”. Впрочем, урезать расходы пришлось бы в условиях кризиса любому правительству. Понимая обеспокоенность общества, тори обещали сохранить расходы на общественные нужды на уровне, установленном лейбористским правительством для 2008–2009 и 2010–2011 гг.

Опытному пиарщику Кэмерону удалось осуществить перестройку в партии, существенно обновить ее имидж, сделав ее современной и прогрессивной в глазах избирателей. Было бы преувеличением утверждать, что программа действий тори была альтернативной политике лейбористов, но видимость таковой она безусловно создавала. Консерваторы стали уделять внимание тем проблемам, которыми раньше вообще не занимались, например экологии. Партия существенно “позеленела”, изменился даже ее логотип – вместо факела с голубым огнем (“факела свободы”, предложенного Тэтчер еще в 1977 г.) им стало зеленое дерево с голубым стволом. Справедливости ради следует отметить, что о проблеме экологии говорила еще Тэтчер в своей известной речи в ООН в 1989 г., но это было сделано по тактическим соображениям под влиянием беспрецедентного успеха “зеленых” на выборах в Европарламент. В 1990 г. вышла правительственная “Белая книга” по вопросам охраны окружающей среды “This Common Inheritance” (Это общее наследство), но в ней по существу лишь перечислялись принятые правительством в этой сфере меры и никакой программы на будущее не было.

Тем не менее, никто из премьеров до Кэмерона не придавал этой теме такого большого значения. Еще будучи кандидатом на пост лидера партии он предложил радикальные меры по решению проблемы глобального потепления. Группа, разрабатывавшая политику партии в области улучшения качества жизни, предложила, в свою очередь, ряд мер, которые, среди прочего, включали введение моратория на расширение имеющихся в стране аэропортов. Одним из первых шагов коалиционного правительства, образованного в мае 2010 г., стало решение об отказе от планов строительства третьей полосы в аэропорту Хитроу.

Кэмерон стал активно продвигать женщин, представителей этнических меньшинств. Были признаны социальные нововведения лейбористского правительства, включая минимальный уровень оплаты труда, консерваторы смирились с реформой палаты лордов и расширением региональной автономии. По мере приближения выборов лидер тори стал все чаще упоминать о необходимости обуздать преступность.

Чтобы не испортить имидж партии, была скорректирована иммиграционная политика в сторону ее некоторого смягчения в отношении граждан ЕС. К. Кларк как-то заметил, что если в стране не будет, например, поляков, то некому будет подать вам выпивку в барах Вест-Энда. В 2006 г. тори отказались от идеи введения квоты на предоставление убежища. При этом сохранялась нетерпимость в отношении иммигрантов извне ЕС.

³⁵ www.politicshome.com 11.V.2008.

³⁶ Популярный юмористический персонаж.

И все же считая уровень иммиграции “весьма высоким”, Кэмерон отмечал озабоченность британцев этой проблемой, создававшей дополнительные нагрузки на школы, больницы и домостроение³⁷. В ходе предвыборной кампании 2010 г. он, стараясь не вдаваться в детали, обещал сократить количество приезжающих иммигрантов с “сотен тысяч” до “десятков тысяч”.

Что касается внешней политики, то здесь расхождения между консерваторами и лейбористами были не слишком заметны. Тори поддержали военные действия против талибов в Афганистане и Саддама Хусейна в Ираке. В ходе голосования в палате общин 26 февраля 2003 г. лишь 13 консерваторов, присоединившись к либерал-демократам и восставшей части лейбористов, голосовали против решения правительства начать военные действия против Ирака. Кэмерон был в числе поддержавших войну. В результате поддержка избирателями либерал-демократической партии – единственной последовательной противницы этой войны – заметно выросла. Кстати, она выступает также за вывод британских войск из Афганистана, в то время как Кэмерон лишь нападал на правительство за то, что оно воюет неэффективно. Консерваторы обвиняли лейбористское правительство в том, что оно скрыло от общественности истинные причины вторжения, а также недоценило последствия войны в Ираке. Что касается других вопросов, в частности ближневосточного урегулирования, проблемы Ирана, борьбы с мировой бедностью, то позиция консерваторов была по существу аналогична позиции правительства.

Тори привержены союзу с США, однако учитывая непопулярность идеи укрепления англо-американских отношений в свете обстоятельств вокруг войны в Ираке, их позиция была сформулирована следующим образом: отношения с Соединенными Штатами должны быть “прочными, но не рабскими”, “крепкими, но в то же время честными” (явный намек на диспропорции в рамках тандема Блэр – Буш)³⁸. Новое руководство хотя и называет Великобританию младшим партнером США, считает, что в этом партнерстве Лондон вполне в состоянии оказывать влияние на поведение старшего партнера, а также проводить свою линию вместо того, чтобы плестись за ним.

Предметом расхождений является политика в ЕС. Тори выступают за децентрализацию и большую гибкость Союза, отказ от Хартии основных прав человека, против ограничивающей национальный суверенитет европейской конституции, против Лиссабонского договора (подписания которого, по словам Кэмерона, следует стыдиться), против вступления в Экономический и валютный Союз. В партии широко распространено мнение, что отношения Великобритании с ЕС следует поставить на другую договорную основу – в частности, вернуть стране отдельные полномочия, переданные Европейскому Суду. Стремясь не допустить, чтобы недовольные политикой руководства тори переходили в Партию независимости Соединенного Королевства (UKIP), предыдущий лидер М. Ховард даже вынашивал идею выхода Великобритании из ЕС и последующего возвращения в Союз уже на другой основе. Только давление Кэмерона, поддержанное представителями деловой элиты, заставило его отказаться от этой безумной идеи. Консерваторы обвиняли правительство в нарушении обещания провести референдум по Лиссабонскому договору, но делали это осторожно, дабы не спровоцировать дискуссии в собственной партии по вопросу отношения к Европе, что вызвало бы к жизни давний раскол. Помешать прохождению договора в парламенте тори не смогли – у них просто не хватило голосов. После ратификации (охарактеризованной ими как предательство) и вступления договора в силу с 1 декабря 2009 г. консерваторы вынуждены были с ним смириться. Кэмерон обещал вывести консервативную фракцию в Европарламенте из объединения “Европейская народная партия – Европейские демократы”, так как оно поддерживает идеи федерализма и экономического протекционизма. Консерваторы выступают за расширение ЕС, полагая, что это будет способствовать поддержанию межгосударственной системы в Союзе, а не формированию наднациональных органов управления.

³⁷ *Bale T. Op. cit., p. 347.*

³⁸ *The Conservatives under David Cameron, p. 178.*

Тори обещали также восстановить кабинетный стиль принятия решений, что особенно важно для внешнеполитической сферы, вместо так называемого “диванного” стиля, характерного для правления Блэра.

Такая позиция консерваторов находила поддержку у избирателей, и на выборах Европарламент в июне 2009 г. они заняли первое место, получив 28% голосов (УКIP с 16% вышла на второе место, а лейбористы с 15,7% – лишь на третье). В подтверждение своей серьезности в отношении ЕС в ходе предвыборной кампании 2010 г. тори предложили: изменить законодательство, чтобы у правительства в будущем не было возможности передавать важнейшие вопросы в ведение Союза без проведения референдума; принять отдельный закон о суверенитете страны, который бы четко зафиксировал приоритет Вестминстера; вернуть наиболее болезненные вопросы социального и трудового законодательства в сферу компетенции британского правительства, а также ряд других мер.

В отличие от неповоротливого Брауна, Кэмерон не паникует в критических ситуациях и без промедления реагирует на те или иные события, особенно в тех случаях, когда они могут нанести существенный вред имиджу партии. В такие моменты он проявляет жесткость и не боится рассориться с коллегами. Так, в частности, когда один из членов “теневого” кабинета выступил с заявлением, которое могло быть расценено как расистское, то уже через несколько часов его заставили извиниться и осудить свои же собственные слова. Так же было в связи с нецелевыми расходами членов парламента. Этот скандал, разразившийся в мае 2009 г., самый крупный парламентский скандал за два столетия, нанес сокрушительный удар по доверию граждан к власти. Наряду с правящей лейбористской, серьезно пострадала и сама консервативная партия, депутаты которой, включая членов “теневого” правительства, компенсировали за счет государства, например, установку оборудования для бассейнов, чистку рва с водой вокруг усадьбы, развеску люстр в доме (этим отличился председатель влиятельного в партии Комитета 1922 г., играющего решающую роль при выборах лидера тори), и даже “утиного домика” для пруда стоимостью 1645 ф.ст.! Правящая партия выглядела не лучше: нецелевые расходы членов правительства включали, среди прочего, оплату порнофильмов для мужа министра внутренних дел (после чего более 5 тыс. избирателей ее округа потребовали отозвать Джулию Смит), а также оплату уборки квартиры и установки телевизионного канала “Скай ньюс” для премьер-министра, что особенно возмутило сотрудников его аппарата.

В то время как Браун по своему обыкновению “отсиживался в кустах”, надеясь на то, что скандал утихнет сам собой, Кэмерон перехватил инициативу у правящей партии и в официальном заявлении, а также в серии интервью извинился перед избирателями. “Люди совершенно правы в своем негодовании по поводу того, как некоторые члены парламента используют государственные средства для оплаты таких вещей, которые может себе позволить лишь небольшая часть общества, – заявил он. – Вас подвели. Политики поступили неэтично и неправильно. Неважно, что при этом они действовали в рамках установленных правил – сами эти правила неверны”³⁹. Действуя на опережение, он назвал имена 8 членов “теневого” кабинета, которым велел возместить расходы: среди них министр школ М. Гоув (7 тыс. ф.ст. за мебель), “теневого” лидер палаты общин Э. Данкен (5 тыс. за услуги садовника), нынешний министр финансов Дж. Осборн (440 ф.ст. за такси), а также “теневого” министр по делам Уэльса Ч. Гиллан (4 ф. 47 пенсов за еду для собаки). При этом парламентариев-тори предупредили, что они будут немедленно исключены из партии в случае, если еще раз посмеют удовлетворять свои экзотические прихоти за счет государства. Более полумиллиона ф.ст. вынуждены были вернуть советник Кэмерона Э. Маккей и его жена (их также заставили сложить свои депутатские полномочия). Что же касается себя, то лидер консерваторов объявил о возвращении 680 ф. ст., которыми государство возместило ему расходы на обрезку глици-

³⁹ Цит. по: *Rawnsley A. Op. cit.*, p. 648.

нии в доме в Оксфордшире, при этом за кадром остались 100 тыс.ф.ст., выплаченные государством Кэмерону за закладную⁴⁰.

Благодаря этому “быстрому реагированию – решительным и оперативным действиям – лидер тори вышел из скандала с наименьшими потерями. В глазах избирателей он выглядел на фоне Брауна несравнимо лучше: лишь незначительная часть опрошенных считала, что он пострадал от этого скандала больше премьер-министра, который также вынужден был возместить почти 12,5 тыс. ф.ст. Браун принес извинения от лица всех партий и политиков, но по своему обыкновению сделал это запоздало.

Пожалуй, единственной проблемой, в решении которой Браун выглядел более внушительным и компетентным по сравнению с лидером тори, была борьба с международным финансово-экономическим кризисом, разразившимся в Великобритании в начале 2008 г. Аналогично многим в стране Кэмерон не смог почувствовать серьезной опасности, которую представляло собой безоглядное “надувание” в том числе и перехваленным профессионалом Брауном огромного финансового пузыря, который лопнул впоследствии с таким оглушительным треском. В отличие от премьера, считавшего самый длительный период процветания в стране своей заслугой на посту министра финансов, лидер тори подчеркивал, что это достигнуто благодаря деятельности предыдущих консервативных правительств под руководством Тэтчер и Мэйджора. Когда кризис разразился, то британский премьер хоть и с небольшим запозданием, но действовал и решительно и профессионально, национализируя банки, проводя международные совещания, на которых разрабатывались меры ликвидации кризиса. Он председательствовал на совещании “Большой Двадцатки”, проходившем в апреле 2009 г. в Лондоне, и лидер тори вынужден был согласиться с тем, что на глобальных саммитах такого рода премьер-министр чувствует себя в своей стихии. Даже недруги Брауна признавали, что будь премьером Кэмерон, ему бы вряд ли удалось собрать такое представительное совещание в британской столице. На фоне монументального, пользующегося уважением мировых лидеров Брауна, занимающегося решением глобальных проблем, Кэмерон выглядел неопытным и легковесным. Да и национализация банков после того, как к ней прибегли другие страны, уже не выглядела крупным просчетом правительства, как ранее заявлял лидер тори. Главным итогом саммита стал согласованный пакет стимулирования мировой экономики в 1,1 трлн долл., а также принятые меры по увеличению финансового регулирования, борьбе с завышенными бонусами и зонами пониженного налогообложения, увеличение ресурсов МВФ до 759 млрд. долл. и некоторые другие решения.

Чтобы подправить свой имидж в вопросах финансов и экономики Кэмерон даже вынужден был привлечь к сотрудничеству бывшего министра финансов в правительстве Мэйджора 68-летнего К. Кларка, который в нынешнем коалиционном кабинете занял пост лорда-анцлера и министра юстиции.

В условиях мирового кризиса консерваторы скорректировали свою экономическую программу: обвинив правительство в стремлении “тратить сейчас, не думая о будущем”, совсем в духе Тэтчер призвали к сокращению государственных расходов. Лидер тори стал еще более популярен после того, как обрушился на банки в связи с получением их руководителями неоправданно высоких бонусов. Отрицавший ранее излишнее регулирование государством финансов, он заклеил капитализм, как “бессовестный” и назвал сложившуюся бонусную практику аморальной. Этот скандал разразился тогда, когда стало известно, что бывший руководитель RBS (Royal Bank of Scotland) сэра Ф. Гудвина добился для себя от банка пенсии в 700 тыс. ф.ст. В то время, когда миллионы британцев вынуждены были затянуть пояса, это решение выглядело особенно возмутительно, чем, собственно, и не преминул воспользоваться Кэмерон, выгодно выделявшийся на фоне неспособного контролировать аппетиты банкиров Брауна. Кэмерон также с выгодой для тори использовал факт неоправданного роста зарплат руководителей в общественном секторе при лейбористах. Так, в частности, по данным газеты

⁴⁰ *Rawnsley A. Op. cit., p. 648.*

“Таймс”, если зарплаты сотрудников местных исполнительных органов увеличились за последние годы в среднем на 6 тыс. ф.ст., то руководства – на 40 тыс. В результате, более 20 руководителей получают зарплату большую, чем у премьер-министра. Консерваторы обещали сделать эти факты достоянием гласности⁴¹.

В последнее время, возможно из-за кризиса, лидер тори перестал педалировать экологическую проблематику. Что касается нынешних партнеров по коалиции, то Кэмерон относился к либерал-демократам пренебрежительно, называя их либералами. Смена их лидера М. Кэмпбелла на Н. Клегга, который будучи энергичным и презентабельным, а также ровесником лидера тори, мог составить ему серьезную конкуренцию, обеспокоила руководство консервативной партии, и в новой ситуации оно стало активно разъянять сторонникам либерал-демократов, что их давно ждут в “либеральной консервативной партии”, партии, которая исповедует “либеральный консерватизм”. Отношение Кэмерона к Клеггу было покровительственным, а по большей части он вообще игнорировал главу либерал-демократов. Чтобы избежать нежелательного блокирования с ними, поначалу тори рассматривали план создания коалиции с малыми партиями Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. Однако по мере приближения выборов становилось все более очевидным, что придется пойти на сотрудничество именно с либерал-демократами, коньком программы которых было требование радикального изменения британской избирательной системы. Поэтому консерваторы вынуждены были смириться с неизбежностью реформы и пообещать 10-процентное сокращение избирательных округов и перекройку их границ с тем, чтобы количество избирателей в округах было одинаковым.

Безусловно, были просчеты и у Кэмерона. Так, например, пресса обрушилась на него за поездку в Руанду летом 2007 г., (где его ждали консерваторы – волонтеры, а также президент страны), тогда как избиратели округа лидера тори боролись с последствиями сильнейшего наводнения. По крайней мере два члена фракции попытались даже запустить механизм перевыборов лидера партии, но их голосов было явно недостаточно (для этого требовалось 29). Еще одним промахом стало заявление “теневого” министра культуры о необходимости ввести плату за посещение музеев и галерей. Это было расценено как удар по бедным слоям населения. Кэмерону пришлось тут же уволить министра, несмотря на то, что тот был его стойким сторонником. При этом он заявил, что, возможно, придется уволить еще не одного своего друга⁴².

Однако все это были мелочи по сравнению с грузом просчетов лидера лейбористов, у которого по мере приближения выборов стали, к тому же, сдавать нервы. Как ни старались тори, им не удалось слишком уж раздуть скандал вокруг слухов о грубости и хамстве премьера, якобы терроризирующего своих сотрудников: поскольку жертвы брауновского террора предпочли хранить молчание, раздувание очередного скандала выглядело как попытка дискредитации соперника, и руководство консерваторов не стало продолжать эту кампанию.

Манифест консервативной партии на выборах 2010 г. “Приглашение участвовать в правительстве Британии” содержал следующие обещания в области внутренней политики: отказ от введения удостоверений личности, установление лимита на прием иммигрантов извне ЕС; повышение порога налога на наследство до уровня после 1 млн. ф.ст.; сокращение расходов во всех сферах, кроме здравоохранения и помощи другим государствам; ликвидацию значительной части структурного дефицита в течение 5 лет; проведение местных референдумов по тем или иным вопросам; разрешение благотворительным фондам учреждать собственные, неподконтрольные властям школы, а также улучшение финансирования школ для бедных.

Во внешнеполитической части подтверждалась приверженность трансатлантическим отношениям, укреплению режима нераспространения ядерного оружия, реформе международных институтов, укреплению отношений с Китаем, Индией, Пакистаном,

⁴¹ The Times, 20.XI.2009.

⁴² Elliott Fr., *Hanning J. Op. cit.*, p. 316.

странами Персидского залива, Северной и Латинской Америки (Россия в этом ряду не упоминалась). Тори высказались против перехода на евро, подчеркнули необходимость укрепления НАТО в качестве краеугольного камня безопасности страны, поддержания ядерных средств, создания Совета национальной безопасности⁴³.

Что касается вопросов англо-российских отношений, то надо отметить, что лидер партии неоднократно высказывался негативно в адрес России, к которой в начале своей политической карьеры он испытывал неподдельный интерес. В августе 2008 г. Кэмерон выступил за исключение России из Большой Восьмерки, введение против нее экономических санкций в связи с войной на Кавказе, отказ в визах российским бизнесменам, прием Грузии в НАТО. Он даже совершил блиц-визит в Тбилиси, что не пришло в голову лейбористам, также занявшим в отношении России жесткую позицию. Сторонником нормализации англо-российских отношений является нынешний глава Форин офис У. Хейг, подчеркивающий, что у нас есть общие интересы, над которыми необходимо работать вместе, а дело Литвиненко – это пройденный этап. Обоюдная заинтересованность в нормализации отношений была высказана в ходе его встречи с министром иностранных дел РФ С.В. Лавровым в январе 2010 г.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что трем предшественникам Кэмерона на посту лидера тори в оппозиции не удалось модернизировать партию. При У. Хейге руководство редко заходило на территорию лейбористов, избегая таких тем, как состояние здравоохранения и образования, и ограничиваясь традиционными для консерваторов темами (преступность, налоги, иммиграция, Европа). Разгромные для тори результаты парламентских выборов 2001 г. – им удалось отвоевать у соперников лишь одно место – стали причиной ухода Хейга в отставку. Его преемника И. Данкен Смита также вынудили уйти, ввиду явной неспособности этого нехаризматичного лидера изменить ситуацию в партии к лучшему. М. Ховард также не имел видимого успеха, хотя при нем представительство консерваторов в Палате общин увеличилось до 197 мест. И только Кэмерон смог вытащить партию из небытия и привести ее к победе на выборах 2010 г.

Кэмерона называют самым популярным лидером консервативной партии и “самым искусным лидером оппозиции в истории страны”, даже более искусным, чем Тэтчер, настоящим “наследником” Блэра⁴⁴. Несмотря на свое аристократическое происхождение (а может быть именно поэтому), Кэмерон сознательно культивирует имидж “человека из народа”. Он привык ездить на работу на велосипеде (который у него как-то даже угнали, пока он совершал покупки в супермаркете Ноттинг Хилла). Аналогично сигаре Черчилля, сумочке Тэтчер, велосипедный шлем стал его отличительным знаком. Став премьером, он распорядился, чтобы министры добирались на работу общественным транспортом, а служебный использовали только в представительских целях. Стремясь сохранить контакт с простыми людьми, Кэмерон взял за правило ходить пешком на короткие расстояния. Так, в частности, он прошел пешком из своей резиденции на Даунинг-стрит 10 в здание парламента по Уайтхоллу, который в любое время дня запружен туристами. Безусловно, это создает дополнительные трудности для охраны премьер-министра: как известно, Великобритания не самая безопасная страна, и террористические акты там случались довольно часто – были взрывы смертников в метро 7 июля 2005 г., были попытки совершения подобных актов летом 2007 г.

Небезынтересным для граждан нашей страны является, в частности, и такой факт: чтобы не раздражать соотечественников, а также в целях экономии премьер отказался от традиционного в последние 20 лет мотоциклетного эскорта, и его не имеющий мигалки автомобиль теперь стоит в пробках наравне со всеми. Все это можно было бы назвать популизмом, но Кэмерон правильно рассчитал, что чего-то подобного ждала от него страна. Его поведение импонирует британцам, которые в последнее время устали

⁴³ Where We Stand. The Conservative Party Manifesto 2010. – www.conservatives.com/policy

⁴⁴ *Bale T. Op. cit.*, p. 389.

от тяги к роскоши многих парламентариев прошлого созыва, в том числе министров лейбористского правительства.

Кэмерон не спешил переезжать на Даунинг-стрит, так как апартаменты премьер-министра слишком малы для его многодетной семьи. Он – поклонник Дж. Бонда, его домашняя библиотека насчитывает внушительную коллекцию романов Я. Флеминга. Еще он прочитал все романы Г. Грина и Г. Хаггарда. Кэмерон – любитель игры в дартс, любит посидеть у телевизора с банкой пива “Гиннес”, посмотреть исторические драмы (любимый фильм – “Лоуренс Аравийский” – о жизни легендарного британского разведчика), фильмы о дикой природе, особенно знаменитого британского кинорежиссера Р. Аттенборо. В отличие от Брауна, который смотрел новостные передачи практически в режиме нон-стоп, Кэмерон не уделяет им много внимания. Не имея времени на газеты, он читает лишь краткие выжимки новостей, по утрам успевает просмотреть некоторые новостные сайты в Интернете. В интервью “Таймс” он также рассказал, что не имеет консультантов по имиджу, сам покупает себе одежду и продукты (в том числе в магазине для среднего класса “Маркс энд Спенсер”) и старается идти в ногу со временем – зачастую пользуется портативным проигрывателем аудио- и видеофайлов “ipod”. Раз в год он посещает клуб “Уайтс” – один из привилегированных клубов британской аристократии. Любимый галстук – зеленый, с которым связана победа на выборах лидера партии в 2005 г.

Все это вместе взятое создает привлекательный образ человека искреннего, открытого, “своего парня”, который аналогично Блэру 13-летней давности, как надеются многие британцы, сможет очистить политику от той грязи, в которую она была погружена в последние годы правления лейбористов, и положить начало еще одному длительному периоду правления консерваторов. Время покажет, удастся ли это сделать аристократу Кэмерону.